

1964-й год. Мы с бабушкой Зиной и моей двоюродной сестрой Надюшей гуляем по Калуге. Я сюда приехала в гости к бабушке с дедушкой. Приехала совершенно самостоятельно. Мои родители уехали на какой-то семинар, а меня отправили в Калугу. Надюша аккуратно обходит лужу, а я попадаю в неё одной ногой. Ботинок промокает насквозь. Бабушка Зина идёт за нами, она не сердится. «Мне всё понятно. Когда твой папа был маленький, я всегда пыталась понять, почему он входит в каждую лужу на улице. А это потому что он смотрел в небо. Ты тоже смотрела в небо?»

Мой папа и потом часто входил в лужи. Поэтому он со знанием дела, а не понаслышке написал «Картинки в лужах».

В лужах картинка!
На первой — дом,
Как настоящий,
Только вверх дном.
Вторая картинка.
Небо на ней,
Как настоящее,
Даже синей.

Третья картинка.
Ветка на ней,
Как настоящая,
Но зеленой.
А на четвёртой
Картинке —
Я промочил
Ботинки.

Эти стихи очень нравились Анне Андреевне Ахматовой.

О ней папа говорил с благоговением. Встреча с Анной Андреевной произошла в Ташкенте. Ташкентские истории я слышала ещё совсем в нежном возрасте в доме Елены Михайловны Фрадкиной и Евгения Яковлевича Хазина, брата Надежды Яковлевны Мандельштам, которая жила в Ташкенте вместе с Ахматовой и в Центральном доме художественного воспитания детей занималась английским языком с папой, дядей Эдиком Бабаевым и Зоей Тумановой.

Мои родители любили ходить в гости к Елене Михайловне и Евгению Яковлевичу и меня с собой брали. Я не любила ходить туда, где не было детей, но в этом доме было

что-то привлекательное — там всегда была халва, которую я с детства обожала. Елена Михайловна усаживала меня на высокий стул, ставила передо мной тарелочку с заветным лакомством и говорила: «Ты же знаешь, Мариночка, что здесь тебя всегда ждёт халва».

Я ударяла по халве, благо на неё никто из всех этих взрослых не претендовал, и слушала разговоры, потому что больше мне делать было нечего, читать я тогда не умела. После тех визитов выяснилось, что я запомнила много стихов, и некоторые разговоры остались в памяти.

К теме Ташкента они часто возвращались. А мне нравилось слушать, как папа, изображая Надежду Яковлевну Мандельштам, говорит: «Ну, вундеркинды поганые! Ничего из вас всё равно не получится! Но ведь я обязана с вами заниматься, а то останусь без карточек на хлеб и без зарплаты. Кем бы вы ни стали, а поэтами вы всё равно никогда не будете, иностранный язык вам не помешает. Какой язык вы хотите изучать?»

Анну Андреевну папа не изображал, то есть не пытался изобразить её голос. Повторяя то, что сказала Ахматова, он говорил медленно и высоко поднимал голову. «Боже, какие они ещё школяры! Английская грамматика — это такая же книга, как «Три

мушкетёра», только немного скучнее, и читать её надо залпом».

Папа и мне все время пытался внушить, когда я училась в школе, что учебник — это такая же книга, только скучнее. Вот прочти все учебники в начале учебного года, и жить будет веселее. Я знала, откуда идут эти советы, но они на меня мало действовали.

Про Ахматову папа написал прекрасные статьи и воспоминания, поэтому нет смысла пересказывать то, что я тогда слышала у Хазиных. Тем более, что халву эту, как выяснилось много лет спустя, всегда приносила моя мама и потихоньку отдавала на кухне Елене Михайловне. Уж лучше бы не рассказывала этого!

Марина Валентиновна Берестова — переводчик, педагог, дочь лауреата Государственной премии РФ Валентина Дмитриевича Берестова. Автор книги мемуаров «Профессия — дочь». Живёт в Испании.
